

## ПРАКТИКА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В СОЗИДАНИИ «УМНОГО ТЕЛА» КУЛЬТУРЫ

*Г.К. Сайкина<sup>1</sup>, В.Ю. Юринов<sup>2</sup>*

*<sup>1</sup>доктор философских наук, профессор, Казанский федеральный университет, профессор кафедры общей философии, г. Казань, Российская Федерация*

*Email: [gusels@rambler.ru](mailto:gusels@rambler.ru) ;*

*<sup>2</sup>кандидат философских наук, Казанский федеральный университет, доцент кафедры социальной философии, г. Казань, Российская Федерация*

*Email: [vol-yurinov1@yandex.ru](mailto:vol-yurinov1@yandex.ru)*

Данная работа написана в русле оправдания философии (философиодицей) на путях выявления в философии точек роста родового тела культуры. Показаны основания определения философии в качестве «умного тела» культуры: философия актуальна как культурная форма производства осознанного, смыслового бытия человека. Новизна исследования состоит в том, что проиллюстрирован механизм конституирования философии как «умного тела» культуры на социальном и индивидуальном уровнях (в частности, в практике философствования в процессе преподавания философии). В статье утверждается прикладной характер философии, проявляющийся в высвобождении человека из цепей естественности и культурном возделывании человека как человека. На базе идеи М.К. Мамардашвили о двух регистрах философии («реальной философии» и профессиональной философии учений) авторы приходят к выводу о том, что регистр «реальной философии» представляет собой своего рода «практическую философию»: философское содержание самой жизни, праксиса, своеобразную бытийную ткань человеческой жизни.

Показано, что философствование – это не абстрактное теоретизирование об отвлеченных проблемах, а практика самосотворения человека, «практика себя». Регистр «реальной философии» на индивидуальном уровне конституируется на «финишной прямой» как практика тождества бытия и мышления. В результате принцип тождества бытия и мышления перестает быть только отвлеченным философским принципом, а становится практическим принципом.

**Ключевые слова:** философия, «умное тело» культуры, философствование, человек, мышление, бытие, «практики себя».

Философия по своим жизненным функциям есть культура критико-рефлексивного мышления, теоретическая форма знания, которая ставит любое знание под вопрос. Потому не всех она устраивает: ее обвиняют в излишней самонадеянности, ставят под сомнение ее значимость вследствие абстрактности и «оторванности» от жизни. Не случайно в недрах философии имманентно присутствует проблема оправдания философии – философиодицей, причем, прежде всего, перед лицом самой себя. Апология философии осуществляется ею вовсе не для самолюбования, а для самоопределения, поиска жизненного смысла и значимости ее для культуры.

Философиодицей издавна решается на путях обоснования связи философии и жизни. Речь идет, прежде всего, о жизненности философии – о ее «живой жизни» посредством вовлечения в живую культурную практику. Сегодня актуальность философиодицей обусловлена господством технологического типа восприятия

мира, который требует от философии производительного «практического» результата, «отдачи».

Исторически сложился образ философии как духовной формы, предельно отдаленной от «фюсиса», витального способа существования, тягот труда и практики (в современном ее понимании). По мнению Аристотеля, «первая философия» свободна от внешней необходимости, и ею могут заниматься только свободные люди – только те, кто живут, по его мнению, не ради других, а *ради самих себя*. И это должно быть правильно истолковано: согласно Аристотелю, «жить ради самих себя» – это значит жить не в силу какой-либо нужды (то есть жить самоосновно, как сказали бы мы). По существу, речь идет еще о таких атрибутивных свойствах философии, как «незаинтересованное удовольствие», бескорыстность при производстве истины и надутилитарность. Аксиологически данный тезис закреплялся греческим идеалом автаркии, который замыкал философа на самом себе в состоянии отрешения от внешнего мира.

Философия сознательно культивировала абстрактность мышления, работу «глаз души» – умозрительность. В своей сущности она имеет дело с непредставимыми «вещами», то есть с предельно-абстрактными понятиями, за которыми не стоит конкретный предмет, строго очерченная сущность. Предмет философии можно только помыслить, понять, интуитивно (символически) «представить». За категориями философии стоят «ментальные вещи» (но никак не предметы), говорящие сами о себе, сами за себя, но не о другом. Они не могут воздействовать на человека как внешняя предметность, а могут быть даны только непосредственно изнутри – его сознанию и душе.

Умозрительность – свойство, которое философы воспринимают как величайшее достоинство философии, позволяющее человеку встретиться с вечными смыслами и абсолютами, обыватель рассматривает как величайший порок, уводящий человека от реалий и запросов жизни. По существу, философия в силу теоретичности всегда созерцательна. И даже у К. Маркса, который выдвинул тезис о том, что философы должны изменить мир...

Тем самым в любой своей форме философия выступает как чистая метафизика: как то, что возвышается над фюсисом жизни и именно в этом смысле отдалено от сущего, эмпирической жизни.

Однако можно посмотреть на этот вопрос и несколько иначе. Считаем эвристически продуктивной идею М.К. Мамардашвили о двух регистрах философии: «реальной философии» и профессиональной философии. «Один регистр – это тот элемент нашей жизни, который по содержанию своему и по природе наших усилий является философским» [1, с. 9]: философия – «и в этом суть дела – существует реально как часть нашей жизни в той мере, в какой мы сознательные существа» [1, с. 30]. Данный регистр и назван им «реальной философией». По сути, это то, что рождается из собственного опыта каждого сознательного (!) человека до философствования, это состояния «призадуманности» в сознательной жизни. Регистр «реальной философии» – это пласт действия «человекообразующих и судьбоносных сил» жизни, «некоторый изначальный жизненный смысл любых философских построений». И этот регистр «реальной

философии» первичен. В первую очередь мы должны реально открыть начала и смыслы человеческого бытия изнутри самой жизни.

Второй регистр – философия учений и систем, философия как профессиональная практика философствования. Этим определяется парадоксальность одного из определений философии, данном М.К. Мамардашвили: философия есть учение о философии. При этом сама философия, по его мнению, «не может никому сообщить никакой суммы и системы знаний, потому что она просто не содержит ее, не является ею» [1, с. 10], поэтому и учить ей нельзя, ее нужно самому открыть из себя.

На основании данного подхода мы выдвигаем следующие идеи. С нашей точки зрения, регистр «реальной философии» – это и есть подлинная практическая философия. Философское содержание разлито по реальности жизни: сама онтология жизни – уже в этом смысле философская. Тем самым реальная или практическая философия сливается с бытием. Иначе говоря, метафизика жизни и составляет праксис жизни. Второй важный пункт заключается в том, что профессиональная философия не должна отрываться от «реальной философии» (нередко это выражается в самой философии в виде критики теоретизма или гносеологизма). В результате оказывается, что самоосновность философии, которую обыватель диагностирует как оторванность от жизни, на самом деле иллюзорна. Философию сложно выстроить лишь голым, умозрительным теоретизированием, без «живой жизни», без онтологического праксиса жизни, так как область вечных смыслов и абсолютов, к которым обращена философия посредством предельных категорий, в принципе конституируется и держится мета-физическими усилиями человека (то есть усилиями, лежащими за пределами чисто биологических, эмпирических смыслов). В философствовании должно резонировать «объективное» философское содержание жизни, прежде всего, праксис жизни самого философа, его метафизическое проживание жизни. Философия в итоге действительно как будто всегда должна встречаться с самой собой. Только так она и сможет быть востребованной.

Отметим, что, когда философию обвиняют в излишней сложности выражения мысли, в витиеватости стиля, необходимо иметь в виду, что в самой жизни (в первом регистре философии) есть «темные места», и неясность философского выражения мысли, как правило, вторична. Поэтому для того чтобы выразить подлинность жизни (в том числе «схватить» темноту, апорию, абсурд жизни), нередко приходится писать «темно» (как Гераклит).

Обычный человек сталкивается с регистром «реальной философии», как правило, как раз тогда, когда перед ним возникает безвыходная, «темная» ситуация, «непроходимое место», если воспользоваться греческой терминологией. Человек не может дальше идти, окаменеет. Но нужно идти дальше, а как двинуться – непонятно?! Чисто человеческая проблема!

«Непроходимые места» жизни вводят человека в состояния удивления, сомнения, страдания, которые традиционно считают исходными, пусковыми установками философствования. Обобщили и концептуализировали эти положения, к примеру, А. Мацейна и К. Ясперс [2; 3]. Последний отнес к истокам философии

еще и коммуникацию. Собственно, за счет таких «непроходимых мест» и существует философия, и философией существует человек. Профессиональная философия осознанно провоцирует феномены удивления, странности, сомнения; она фиксирует или искусственно и искусно создает «непроходимые места». Только через прохождение таких принципиально «непроходимых мест» возможны самопознание и развитие человеческой личности.

Как снять удивление, сомнение, муку неизвестного? Только объяснением, пониманием, ясностью – внутренне! Для чего человек идет на такой риск, запуская «машину философствования»? Чтобы со знанием дела двинуться дальше? Не совершать ошибок и научиться не сомневаться? Быть умнее всех? Мы даже представить себе не можем, насколько всеми этими вопросами, вопросной природой как таковой мы буквально дотронулись, коснулись самого сердца философии.

Попробуем ответить на эти вопросы через концепт «умного тела» (или «умного места»), доставшийся в наследство от античной культуры. Его отлично развил М.К. Мамардашвили. Философия для него и есть «умное тело» культуры. К «умным телам» культуры он относит, к примеру, еще и ритуалы, мистерии, трагедии, произведения искусства. Иначе говоря, «умные тела» культуры – это цело-Акупные *формы* культуры, через приобщение к которым человек обретает антропную целостность (в единстве всех его составляющих, прежде всего, *души и тела*), достигает полноты бытия.

Так, под «умным телом» грек понимал реально существующее *идеальное* тело (например, шар), в котором и через которое в непосредственной чистоте являются законы космоса, мирового ума, гармонии, жизни. Например, небо мыслилось греками, согласно М.К. Мамардашвили, не только как материальное тело, но и как «носитель гармонии», ума, способный приводить «в порядок движения души» [4, с. 109]. В целом «умные места», «умные тела» понимались греками как буквально, пространственно-стационарно, – как особо выделенные *места* в общественном пространстве («внешне» объективированные места: например, полис, агора, театр), так и символически – как такие формы, посредством которых происходит приведение человека в особое «внутреннее» состояние гармонии, целостности, разумности. Это, по нашему мнению, – своего рода сгустки культуры, оздоравливающие человека, наполняющие *душу* ощущением полноты жизни. В обоих случаях «умные тела» являются, согласно терминологии М.К. Мамардашвили, «машинами» приведения человека в соответствие человеческой природе, «мускулатурой культуры», своего рода «приставками» человека.

«Умные тела» культуры выступают способами внесения порядка в мир: «через них впервые упорядочиваются наши душевные состояния, которые иначе, без отношения к таким предметам распадались бы. Наши ощущения не имели бы никакой устойчивости, рассеивались бы, что они и делают, будучи предоставленными самим себе. Следовательно, «идеальный предмет» как бы конструктивен по отношению к мыслительным и душевным возможностям человеческого существа. Только благодаря умному телу (небу или пифагорейскому числу, которое тоже – вещь) на стороне человека откладываются впервые какие-то упорядоченности, которые могут воспроизводиться во времени, не подчиняясь

неминуемому процессу распада и рассеивания во времени» [4, с. 109-110]. Тем самым «умные тела» культуры формируют, собирают душу, придают жизни смысл, дают ощущение прочности, вечности и покоя.

Таким образом, «умные тела» являются способами конструирования человеческих сил. Индивид, подключаясь и овладевая «умным телом», становится человеком, микрокосмом, полноправной частицей бытия. «Умное тело» – это способ приведения человека в сверхъестественное состояние, которое есть культура, атрибут культурности, это машина рождения человеческого в человеке. Нередко М.К. Мамардашвили называет такие формы «органами онтологии». Бытие вовлекает нас через форму, через умное бытие. С нашей точки зрения, «умные тела» культуры и составляют основание онтологического праксиса жизни.

Философию действительно справедливо можно называть «умным телом» культуры: она направляет к «идеалу человечности» (В.И. Несмелов), практически созидает человека, подключает человеческого индивида к телу культуры. Не случайно философы беспрестанно указывают на человекоформирующую роль философии. Концепт «умного тела» культуры позволяет исследовать философию как форму, имманентную бытию, «живой жизни» человека.

Считаем эвристически значимой дальнейшую концептуализацию представления о философии как «умном теле» культуры. С этой целью нами предпринята попытка продемонстрировать процесс конституирования философии в качестве «умного тела» культуры.

Так, полагаем, что философия незримо меняет не только человека, но и социальные скрепы и ценности общества, направляет общество к «модусу культуры». Любопытные выводы о социальной роли первых философов делает Э. Гуссерль в работе «Кризис европейского человечества и философия» [5]. Он отмечает, что у первых философов было желание сделать *универсальным* свой способ жизни в режиме философствования. Поэтому благодаря философствованию, имеющему личностную, персоналистическую форму, формировалось не только особое философское сообщество («сообщество чисто идеальных интересов» [5, с. 649]) и «новая форма культуры», но вызревало и «новое человечество», для которого ценностью стала «безусловная истина». И это удивительно! Благодаря первым одиночкам в итоге формируется новое «общественное движение», которое задействует как философов, так и тех, кто не занимается философией.

Интересную конкретизацию этого процесса дает М.А. Корецкая при анализе греческой полисной государственности. Она отмечает, что полисная система в ситуации отсутствия единого суверена привлекала впечатляющий процент населения к управлению и для выработки решений требовала пространства «поиска общего блага», эфемерного, никому в точности неизвестного. «В этой ситуации нужны сложные культурные механизмы и практики, позволяющие гражданам научиться видеть хотя бы чуть дальше своих частных (семейных или клановых) интересов. Нужен взгляд, способный искать общее благо и справедливость» [6, с. 256]. По мнению Корецкой, необходима была публичная среда для кристаллизации содержания идей общего блага и справедливости в «полемически организованном обсуждении». Философия, по ее мнению, и стала таким культурным механизмом,

поддерживающим «режим публичности в рабочем состоянии» [6, с. 257]. Мы солидарны с такой точкой зрения. Следовательно, реальная, практическая философия становится скрепой агоры, ее цементирующим основанием. Философ в результате стремится быть тем, кто «произносит бескорыстную правдивую речь» [6, с. 259], а значит, по нашему мнению, становится социальным голосом Истины.

Тем самым, несмотря на умозрительность, надутилитарность и личностную форму представленности философских идей, философия направляет движение жизни к *универсальным* формам, освобождая от частных узкопрагматических интересов, несет внутри себя мощный социальный потенциал. В этой связи значимыми будут рассуждения А. Грамши: «Создавать новую культуру означает не только делать в одиночку «оригинальные» открытия: это означает также – что особенно важно – критическое распространение уже открытых истин, их, так сказать, «социализацию» и тем самым превращение в основу практической деятельности, в фактор ее координации, духовного и нравственного упорядочения. Масса людей, приведенная к единому и последовательному способу осмысления реальной действительности, – это «философский» факт, куда более значительный и «оригинальный», чем открытие каким-нибудь философским «гением» новой истины, остающейся достоянием узких групп интеллигенции» [7, с. 28]. Получается, важным является просачивание философских идей в практику жизни и превращение их в обыденную «фактичность», эмпирию.

Функцию «умного тела» философия выполняет и на индивидуальном, личностном уровне. Ярче всего это проявляется на примере философствования в диалоге сократического образца, прежде всего в системе образования. У философа как учителя сложная, странная миссия. Перед аудиторией разыгрывается драма бытия-ума, декорацией, драматургом и одновременно действующим лицом которой является учитель-философ. По существу, философ выполняет роль особой «чувственной ткани сознания» (А.Н. Леонтьев), созерцания бытия, сознания законосообразности мира: его тело выступает проявлением таких необозримых сущностей, как бытие, сущность, законы мира. Через его «умное тело» явственно проступает фактурность бытия, образ материи, энергичность духа. Это вызывает необходимость всегда отступать в сторону, чуть-чуть в тень, не заслонять своей партикулярностью бытие, но одновременно оттенять **человечность** философской проблемы. В этом – искусство и драматизм преподавания философии.

Надо сказать, нередко аудитория сначала может испытывать раздражение и разочарование. Заветный, сверхъестественный мир философ показать не может, не может рассеять личных тревог, сказать напрямую, как жить. Аудитория находится в смятении, в состоянии некоторого сомнения, в каком-то подвешенном состоянии – между видимостью за-оконной жизни и абстрактно означенной реальностью. Но ведь именно с ощущения пограничности двух срезов жизни – невидимой (метафизической) и эмпирической – и начинается философия. При этом видимая сторона предметов и самого себя мешает «мыслить», а что-то понять (понять на философском уровне) можно только поверх эмпирической ситуации, поэтому нужно научиться смотреть в пустоту, в никуда. Для метанойи по существу необходимо раз-бирание себя, расставание с собой: отслаивание всего наносного,

дурно-привычного, частичного, себялюбивого, не критично-прилипшего. И это тяжело дается.

Категории философии выступают при этом элементами-скрепами, структурой «умного тела», элементами производства человека. Посредством предельных, беспредметных понятий философ открывает остальным сущность трансценденции. Задача философа – как раз приучить к от-влечению, дистанцированности, отстраненности, самотрансценденции как к обычной, прозаической, естественной человеческой операции. К примеру, нет такой пространственно-временной области, где бы находилось бытие. Оно есть в точном смысле ничто. Что же, философ ведет в ничто, в небытие? Нет, эта «пустота» необходима человеку для возможности выдвигать себя за пределы сущего, ощущать при-сут-ствие бытия, предельные основания мира – словом, для того чтобы быть человеком. Через пустоту философских понятий человек приближается к пониманию себя, ведь он – существо, природой не гарантированное, рожденное с «пустой» сущностью.

Практика философствования в диалоге позволяет реально показать, внутренне прочувствовать механизм собирания человека как «место», «пространство», не обусловленное никакими природными, пред-заданными внешними формами и условиями. Через философствующую личность учителя, подводящего слушателей к пониманию категорий философии, аудитория и движется к бытию, к мета-физике, трансцендирует.

Философ при этом должен так жить в аудитории, на публике, чтобы вся личность слушателя (интеллект, эмоция, воля, соединенные в единое тело) присутствовала бы здесь целиком. От философа требуется не только целостно пребывать, в единстве души и тела, но и разыграть «мировую драму» как личную, расцветить ее личными примерами. Благодаря этому на определенном этапе слушатели втягиваются в это зрелище-действие. В этом втором акте, за счет подключения коллективного тела аудитории (ее опыта, памяти), возникает новое, особое тело: самовоспроизводящееся «умное тело», развернутое до масштаба мирового бытия. Диалог философа с аудиторией можно назвать «философским танцем», «письмом по бытию», в котором частное, партикулярное тело как «учителя», так и «ученика» становится «умным телом», человеческим (целокупным) телом. Возникает единство, союз, «чудо невозможного»: переливание чувств, мыслей и душ. Внешне разные, чужие люди стали «вдруг» на какой-то момент неразличимо единым, внутренне целым телом. Партикулярные стенки треснули, подтаяли.

Возникшее «умное тело» можно, пользуясь концепцией Н. Трубникова, ассоциативно назвать «философски-конкретным». Он, кстати, называет предрассудком признание предельной отвлеченности философии: проблема – всегда чья-то и проблема чего-то, как и сам ответ. И философски-конкретное (философский подход к предмету) отсылает, с его точки зрения, не к анализу, а к синтезу, к широкому и общему контексту человеческой жизни, живому созерцанию, практике, «взятой во всем ее доступном нашей мысли объеме» [8, с. 421]. Поэтому философски-конкретное «не от-влеченное, но при-влеченное, не выбранное, но со-

бранное, со-борное» [8, с. 421]. За счет этого собрания возникает полнота человеческого отношения к миру.

Атмосфера, возникшая в диалоге философа с аудиторией, возвышаясь до уровня «философски-конкретного», и несет мета-физический смысл – смысл самого Бытия. Бытие, которое вызвал философ собою путем философствования, – не за ним, а перед ним. Бытие и есть это возникшее «умное тело», то, что возникло путем диалога, целостности присутствия, совместного публичного размышления-рассуждения. Бытие завязалось, и возникло тело бытия, *тождество бытия и мышления*, случилось умное тело слушания-вопросания, «умное тело» культуры. Но одновременно случился и человек, событие человека.

Поэтому философию нельзя знать и преподавать как науку. Философия как учебная дисциплина сначала вызывает у обучающихся бурный протест. В ней как будто все работает согласно мифологическому принципу «все возможно»: возможен Платон, возможен Аристотель, возможен Кант, возможен Мамардашвили... Все хотят строго определенного, однозначного знания, соответствующего профессиональным интересам, а здесь – спектр равноценных по своей значимости идей, да таких, которые воспринимаются сначала как чужие, навязанные, не связанные с жизнью и личными интересами. Но на каком-то этапе ученик вдруг понимает, что в философии не все возможно, в ней есть свой порядок, дисциплина, что иногда твое собственное мышление никак не подпадает под философское; он понимает и то, что, казалось бы, абстрактные «вечные» проблемы касаются его самого, причем совсем не умозрительно... Он понимает, что на самом деле в философии действует принцип культуры: «те же и Софья» (В.С. Библер).

Именно философия выполняет в системе образования сугубо практическую функцию: она размыкает замкнутость и обособленность процесса образования от жизни. Философия – не столько исходная, отправная точка образования, не столько элемент, необходимый человеку в деле мышления, сколько завершающая, результирующая образования. Философия больше, чем любая прикладная наука, обращена на жизнь, на человека. Она есть самое прикладное знание. Она «прикладывается» не в абстрактный предмет, а непосредственно в меня, в мое сознание, а значит, и в мой образ жизни, в мою плоть. Философия непосредственно трансплантируется в человека, превращая его в «умное тело».

Философия тем самым является машинерией душ, «плавильным тиглем» человека, практикой самосотворения, «практикой себя», причем не только для самого философа, но и для слушателя и читателя. Философия тем самым перерастает умозрительную сферу абстракций и становится основополагающим условием человеческой жизни как события человека.



**Список литературы**

1. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Необходимость себя / Лекции. Статьи. Философские заметки / М.К. Мамардашвили. – М.: Издательство «Лабиринт», 1996. – С. 7-154.
2. Мацейна А. Происхождение и смысл философии / А. Мацейна // Историко-философский ежегодник, 93. – М.: Наука, 1994. – С. 276-294.
3. Ясперс К. Введение в философию / К. Ясперс // Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР СЭ, СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 224-235.
4. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии / М.К. Мамардашвили. – М.: Аграф, 1997. – 320 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Логические исследования; Картезианские размышления; Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология; Кризис европейского человечества и философия; Философия как строгая наука: [Пер. с нем.]. / Э. Гуссерль. – Минск; М.: Харвест: АСТ, 2000. – С. 626-666.
6. Корецкая М. А. Амбивалентность власти: мифология, онтология, прaxis / М.А. Корецкая. – СПб.: Алетей, 2019. – 404 с.
7. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1 / А. Грамши, Пер.с ит. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
8. Трубников Н.Н. Философская проблема. Ее гуманистические основания и критерии / Н. Трубников // Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР СЭ, СПб.: Университетская книга, 2001. – С.416-431.

**Saykina G.K., Yurinov V.Yu. Philosophy Practice in the Creation of a «Smart Body» Culture // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2021. – Vol. 7 (73). – № 3. – P. 112–121.**

This work is written in line with the justification of philosophy (philosophical diet) on the paths in philosophy of the points of growth of the generic body of culture. The main definition of philosophy in the «smart body» of culture: philosophy is relevant as a cultural form of the production of a conscious, meaningful human being. The mechanism of the constitution of philosophy as a «smart body» of culture at the social and individual level is illustrated. The article asserts the applied nature of philosophy, which manifests itself in the liberation of man from the chains of naturalness and in the cultural cultivation of man as a man...

Based on the idea of M.K. Mamardashvili about two registers of philosophy («real philosophy» and professional philosophy of teachings), the authors come to the conclusion that the register of «real philosophy» is a kind of «practical philosophy»: the philosophical content of life itself, praxis, a kind of existential fabric of human life.

It is shown that philosophizing is not an abstract theorizing about abstract problems, but the practice of human self-creation, «practice of oneself». The register of «real philosophy» at the individual level is constituted «at the finish line» as the practice of the identity of being and thinking. As a result, the principle of the identity of being and thinking ceases to be only an abstract philosophical principle, but becomes a practical principle.

**Keywords:** philosophy, «smart body» of culture, man, thinking, being, «practice of oneself».

**References**

1. Mamardashvili M.K. Vvedenie v filosofiyu [Introduction to Philosophy] // Neobkhodimost' sebya / Lektsii. Stat'i. Filosofskie zametki [The Necessity of Self / Lectures. Articles. Philosophical Notes] / M.K. Mamardashvili. – М.: Izdatel'stvo «LabirinT», 1996. – P. 7-154.

2. Matseina A. Proiskhozhdenie i smysl filosofii [The Origin and Meaning of Philosophy] / A. Matseina // Istoriko-filosofskii ezhegodnik, 93 [Historical and Philosophical Yearbook, 93]. – М.: Nauka, 1994. – P. 276-294.
3. Yaspers K. Vvedenie v filosofiyu [Introduction to Philosophy] / K. Yaspers // Put' v filosofiyu. Antologiya [Path to Philosophy. Anthology]. – М.: PER SEH, SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. P. 224-235.
4. Mamardashvili M.K. Lektsii po antichnoi filosofii [Lectures on Ancient Philosophy] / M.K. Mamardashvili. – М.: Agraf, 1997. – 320 p.
5. Gusserl' E.H. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofiya [The Crisis of European Humanity and Philosophy] // Logicheskie issledovaniya; Kartezijskie razmyshleniya; Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya; Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofiya; Filosofiya kak strogaya nauka: [Per. s nem.] [Logical Studies; Cartesian Reflections; Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology; Crisis of European Humanity and Philosophy; Philosophy as a Rigorous Science] / E.H. Gusserl'. – Minsk; M.: Kharvest: AST, 2000. – P. 626-666.
6. Koretskaya M. A. Ambivalentnost' vlasti: mifologiya, ontologiya, praksis / M.A. Koretskaya [Ambivalence of Power: Mythology, Ontology, Praxis]. – SPb.: Aleteiya, 2019. – 404 p.
7. Gramshi A. Tyuremnye tetradi. V 3 ch. CH. 1 [Prison Notebooks. At 3 O'clock, Part 1] / A. Gramshi, Per. s it. – М.: Politizdat, 1991. – 560 p.
8. Trubnikov N.N. Filosofskaya problema. Ee gumanisticheskie osnovaniya i kriterii [Philosophical Problem. Its Humanistic Foundations and Criteria] / N. Trubnikov // Put' v filosofiyu. Antologiya [Path to Philosophy. Anthology]. – М.: PER SEH, SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. – P.416–431.

#### Сведения об авторах

**Гузель Кабировна Сайкина** – доктор философских наук, профессор, г. Казань, Казанский федеральный университет, профессор кафедры общей философии. E-mail: [gusels@rambler.ru](mailto:gusels@rambler.ru)

**Guzel Kabirovna Saykina** – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kazan, Kazan Federal University, Full Professor at the Department of General Philosophy. E-mail: [gusels@rambler.ru](mailto:gusels@rambler.ru)

**Владимир Юрьевич Юринов** – кандидат философских наук, г. Казань, Казанский федеральный университет, доцент кафедры социальной философии. E-mail: [vol-yurinov1@yandex.ru](mailto:vol-yurinov1@yandex.ru)

**Vladimir Yurievich Yurinov** – Candidate of Philosophical Sciences, Kazan, Kazan Federal University, Associate Professor at the Department of Social Philosophy. E-mail: [vol-yurinov1@yandex.ru](mailto:vol-yurinov1@yandex.ru)